

Café

Ромен
Гари

CoRpus

Дальше ваш билет
недействителен

Ромен Гари

Дальше ваш билет недействителен

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/70980319>

Дальше ваш билет недействителен : роман / Ромен Гари; пер. с франц.

Н. Мавлевич: АСТ: CORPUS; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-166218-9

Аннотация

<р>Ромен Гари – один из самых знаменитых французских классиков. Всю жизнь меняя псевдонимы (настоящее его имя – Роман Кацев), он вошел в литературу не только как Гари, но и как Эмиль Ажар, в шестьдесят лет удостоившись под этим именем Гонкуровской премии во второй раз. Принять второго “Гонкура” он отказался – по уставу эта премия не может быть присуждена дважды одному и тому же писателю.</р> <р>Роман “Дальше ваш билет недействителен” вышел в 1975 году, в самый разгар “ажаровской” мистификации. На фоне общего кризиса Европы разворачивается драматическая история поздней любви. Немолодой бизнесмен Жак Ренье, в прошлом лихой смельчак и кумир женщин, влюбляется в восемнадцатилетнюю девушку, и она отвечает ему взаимностью. Однако возраст берет свое, и Жак

пытается примирить непримиримое, чтобы дать шанс любви, не имеющей будущего.</p>

Содержание

Глава I

6

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Ромен Гари

Дальше ваш билет недействителен

Romain Gary

Au-delà de cette limite votre ticket n'est plus valable

Перевод с французского

Натальи Мавлевич

© Éditions Gallimard, Paris, 1975

© Н. Мавлевич, перевод на русский язык, 2011, 2024

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,

2024

© ООО “Издательство Аст”, 2024

Издательство CORPUS ®

Глава I

Я проснулся в семь утра в своем номере в “Гритти” от телефонного звонка. Звонил Дули – он хотел меня видеть. Срочно. Меня покорило повелительный, не терпящий возражений тон. Мы оба входили в Международный комитет по спасению Венеции. Споры нет, город дождей неуклонно опускается на дно, но все же не так быстро, чтобы нельзя было немножко потерпеть. Заседание Фонда Чини было вчера, но Дули на него не поспел, потому что, сказал он, из-за последних терактов в Италии объявили всеобщую суточную забастовку и его самолет не смог взлететь.

– Ни одного диспетчера на вышке, даже вертолеты не летают. Пришлось оставить “боинг” в Милане и сесть в машину.

Я прикинул время и назначил ему свидание в баре в половине десятого, гадая, чему обязан столь высокой честью. Я почти не знал Дули и не рвался с ним общаться – мы жили в разных измерениях. Джим Дули получил в наследство одно из самых крупных в Америке состояний.

Первый раз я увидел его в Санкт-Морице на соревнованиях по бобслею, в которых участвовали и мы с сыном. Ковбойская статья, светлые, чуть тронутые сединой кудри, на удивление свежее – для плотного мужчины за пятьдесят, – ничуть не расплывшееся лицо, неизменная бодрость духа и веселый

нрав – все это вызывало во мне легкое раздражение, ведь не только хорошенькие женщины завидуют друг другу. Один вид этого заядлого жизнелюба говорил: вот абсолютный чемпион мира по всем земным удовольствиям; и почему-то его колоссальные успехи, сам их размах, словно бы умаляли мои собственные и даже делали бессмысленным мое существование. Никому из людей не дано дорасти до той величины, которой они мечтали достигнуть. Дули же, судя по всему, игнорировал этот закон жанра. Вот уж колосс так колосс! Правда, что касается роста, лично я не разделяю восторженного отношения к верзилам, которое со времен Гомера проявляло хилое человеческое племя. Но Дули представлялся мне серьезным соперником на другом поприще – в борьбе за титул самого большого счастливчика. Когда этот детина в красном свитере встал, закончив дистанцию, снял шлем, обвел взглядом зрителей и разразился победным смехом, как будто он прирожденный повелитель мира, меня охватило противное чувство собственной приниженности – не потому, что он меня обогнал, а потому, что рядом с этим американцем я словно *умалялся* в собственных глазах, а он чрезмерно, так, что мне не дотянуться, *разрастался*. И я ничего не мог поделать с этой безотчетной брезгливой неприязнью, имевшей едва ли не политический оттенок. В тот же вечер в гостиничном баре я встретил знакомую журналистку, и ей зачем-то понадобилось рассказать мне, как она “брала интервью” у Дули на его яхте в Сен-Тропе и он “всю ночь, как заведенный! Я уж не

знала, как его остановить”. Обычно такие откровения равносильны подстрекательству помериться силами с героями и показать, что ты и сам не промах. Но я тогда еще был сравнительно молод и не нуждался в том, чтобы мою уверенность в себе поддерживали женщины, она отлично держалась сама собой. Мне всегда нравились запретные сады и замкнутые миры. Чтобы все сохранялось в глубокой тайне, в которую посвящены лишь двое. Если же начинаешь заботиться о “репутации” в этой деликатной области, считай, чуду конец. Настоящая обитель любви всегда спрятана от посторонних. Хотя верность для меня – не контракт на эксклюзивное право, это понятие, стоящее в одном ряду с преданностью и душевной близостью. Однажды в мае 1944 года, незадолго до высадки союзников, мой “лайсендер” ткнулся носом в землю во время взлета с партизанского аэродрома, и я здорово расшибся. Меня перенесли на ближайшую ферму, и вот не прошло и часа, как Люсьена, моя тогдашняя подруга и соратница, уже сидела у моей кровати. Ее буквально трясло, а я не понимал почему: не так уж страшно я разбился. Тогда она рассказала, что телефонный звонок с известием об аварии застал ее в гостиничном номере, когда она собиралась лечь в постель с моим другом. Услышав же, что случилось, она, не тратя время на объяснения, бросила его и помчалась ко мне. Вот это я называю верностью: когда человек жертвует удовольствием ради любви. Хотя допускаю, что кто-то другой мог бы, наоборот, усмотреть в таком поведении измену.

Возможно также, что в моей психике уже тогда наметилась какая-то трещина, которая потом все углублялась, пока не довела меня до нынешнего состояния. Не знаю... Впрочем, я не ищу себе оправданий. То, что я пишу, – не речь в свою защиту. И не призыв о помощи, засовывать эту рукопись в бутылку и бросать ее в море я не собираюсь. С тех пор как человек научился мечтать, призывов о помощи и заброшенных бутылок накопилось столько, что, право, удивительно, как это еще кое-где осталось чистое море, как это оно все сплошь не запружено бутылками.

После той первой встречи с Дули я постоянно натывался – и чертыхался про себя – на его имя, с которым прочно связался образ красавчика-миллиардера, недаром в шестидесятые годы его прозвали плейбоем номер один во всем западном мире. Знаменитые манекенщицы, самые лучшие и самые модные курорты, “феррари”, Багамы и целый рой молоденьких красоток, которым его богатство кружило голову так, что и платы не требовалось... Собственного вкуса и мнения у американца, похоже, не имелось, он полагался на чужие взгляды и суждения, нуждался в гарантии привлекательности. Если в ту пору столько мужчин вздыхало по Мэрилин Монро, то только потому, что по ней вздыхало столько других мужчин.

В последний же раз я видел Джима Дули в 1963 году, в имении промышленного магната Тьебона недалеко от Оспедалетти, где я гостил несколько дней. Лучшего частного пля-

жа, наверно, нет на всем итальянском Средиземноморье. Гостей было человек двадцать. Сам Тьебон, хоть ему уже стукнуло шестьдесят восемь, а может, как раз поэтому, всюю старался показать, как здорово он катается на водных лыжах. С невероятной легкостью выписывал он вензеля на волнах и, мало того, одновременно, наплевав на бремя лет и законы природы, играл в бильбоке – мы глядели на такое феноменальное мастерство, открыв рты. Все было бы замечательно, если бы не одна досадная деталь. Наш хозяин давал свои представления в девять утра, и всем гостям полагалось на них присутствовать. Отказаться от приглашения значило бы поступить неучтиво и даже жестоко. И вот мы всей оравой тащились на пляж и аплодировали подвигам престарелого спортсмена. Лысый, тощий, нос крючком, он отплясывал перед нами на воде и лихорадочно подкидывал и ловил шарик деревянной чашечкой, только балетной пачки не хватало для полноты картины. Какой-то кошмар в духе Гойи. Смешное и жалкое зрелище. Но гости добросовестно восхищались:

– Ай, молодец! Прямо юноша!

– Изумительно!

– И не поверишь, что ему почти семьдесят!

– Подумать только: во времена Мольера мужчина в сорок лет считался старой развалиной.

– Поразительный, поразительный человек, я всегда говорил: другого такого нет на свете!

Только один нахальный юнец лет двадцати ехидно про-

мурлыкал:

– Э-то есть на-аш после-едний...

И вот однажды утром к нашей компании присоединился Дули, он приехал накануне. Все такой же невозмутимый красавец с буйной шевелюрой, он стоял в кимоно, обнимал за талию очередную кинозвезду, которую прихватил с собой для развлечения, и молча глядел на трюки молодящегося старикана – тот несся по воде спиной к берегу, задрав ногу, одной рукой держась за веревку, другой играя в бильбоке, и время от времени ловко поворачивался на 360 градусов.

– *Poor son of a bitch*, – усмехнулся Дули. – То-то смерть потешается, на него глядя. Верно, уж сто лет, как не мужик. Вот и ищет замену. Тошно смотреть. *Shit!*¹

И ушел.

Вскоре образ красавчика-миллиардера, постоянно мелькавший в светской хронике и на страницах глянцевого журналов на фоне раззолоченных интерьеров и пышных фейерверков старой Европы, несущейся в вихре нескончаемого праздника к скорому концу, начал быстро тускнеть. Год или два о нем просто ничего не было слышно. Потом его имя снова появилось в прессе, но теперь уже в других рубриках и изданиях, например в “Файнэншл таймс” или “Уолл-стрит джорнал”, – в скупых, петитом набранных заметках, однако сама эта неброскость, подобно строгим английским костюмам с Севил-роу, служила клеймом высшей пробы для круп-

¹ Жалкий сукин сын... Тьфу!(англ.)

ных дельцов, которые то поднимались, то опускались на волнах безбрежного, доселе невиданного в западном мире океана благоденствия. И с тем же рвением, с той же волей к победе, какие он обнаружил в гонках по бобслею, он ввязался в чемпионат Европы по процветанию и успеху. Потревожив мирный сон пылившихся в американском банке отцовских миллиардов, он вложил их в бесприигрышные бурные игры транснациональных компаний и приумножил; эти его достижения были отмечены в специальном номере журнала “Форчун”, посвященном американским инвестициям в европейскую экономику. К 1970 году диапазон его деловых интересов был так велик, что, как писали в “Шпигеле”, “стоило кому-нибудь попытаться скупить акции какой-нибудь компании, как у него на пути неминуемо возникала фигура Джима С. Дули”. Вместе с одной крупной франкфуртской фирмой он открыл банк в Швейцарии, который уже спустя два года контролировал “золотой треугольник” немецкого рынка недвижимости: Гамбург – Дюссельдорф – Франкфурт. Внезапное массовое изъятие денег со счетов, которое спровоцировало падение кельнского банка “Херштатт” и доконало империю Герлинга, скорее всего – хотя эти слухи официально опровергались, – было делом рук Дули, причем тщательно спланированным делом, недаром левая пресса открыто называла его “акулой дикого капитализма”. Я уже стал жалеть, что не познакомился с американцем поближе. Неимоверная финансовая мощь притягивала меня как магнит, и хоть я по-

нимал, что мне – такому, каким я сам себя видел, – эта тяга не к лицу, противиться ей не мог. А еще я заметил, что банкиры говорили о Дули бесстрастным тоном и воздерживались от всяких оценок его действий – верный признак того, что на финансовый небосвод взошла звезда первой величины.

Вообще в те годы – примерно с шестьдесят второго по семидесятый – над Европой словно опрокинулся рог изобилия, экономическому процветанию не предвиделось конца, и благодаря этому затяжному золотому дождю богатство стало почитаться высочайшей нравственной и чуть ли не духовной ценностью, чего не было со времен расцвета крупной буржуазии в девятнадцатом веке. Помню, как-то на приеме после заседания Совета Европы я услышал из уст супруги одного из европейских послов, побывавшей в Китае, потрясающее суждение. “Коммунизм, – сказала она, – годится только для бедных”. Римский клуб тогда еще не обнародовал своих апокалиптических прогнозов. Производство автомобилей было на подъеме. Кредитов – бери не хочу. Нефти – в избытке. Франция стала местом выгодных вложений. Строительство роскошных поселков вроде “Провансальской Венеции” Пор-Гримо приносило миллиардные доходы инвесторам, а у тех, кто раньше глотал слюнки, читая про бриллианты, подаренные Ричардом Бертоном Элизабет Тейлор, несметные состояния Онасиса и Ниаркоса или конюшни Буссака и Вильденштейна, появились новые предме-

ты вожделения. Дела моих бумажных и фанерных фабрик и моего художественного издательства тоже шли в гору, и я собирался учредить Европейский книжный клуб, для чего требовался начальный капитал в четыре миллиарда.

То, что записной бабник превратился в международно-го магната, меня не удивляло. Страсть к завоеваниям не проходит с возрастом, меняются только ее объекты, поэтому нередко с убыванием физической силы крепнет деловая хватка. Взять, к примеру, Джанни Аньелли: на шестом десятке лет он попал в аварию, после чего так энергично, пылко и с таким упорством взялся за семейный бизнес, что очень скоро превратил “Фиат” в промышленный гигант, один из лидеров растущей европейской индустрии. А его ровесник Пиньятари, в свое время прославившийся любовными победами на весь Париж и Рим, переключился на медные рудники и, поражая соплеменников-бразильцев непреклонной волей, добился немалых успехов. Пятьдесят лет – критический возраст, когда мужчина ищет новые поприща, дабы обеспечить себе устойчивое положение, которое не зависит от гормональных спадов.

В 1971 году мне попалось на глаза в одном журнале интервью с Джимом Дули, из которого явствовало, что он намерен выпрямить Пизанскую башню. Если только это не было злой шуткой журналистки, некой Клары Фоскарини. По ее словам, американец заявил, что просто укрепить башню,

чтобы она не рухнула, недостаточно, что человеческий разум при помощи современной науки способен одолеть безжалостное время и силу тяжести. Джим Дули, писала Фоскарини, позвонил ей в два часа ночи, как будто дело не терпело отлагательства, добрых полчаса излагал свою идею и выказал готовность лично финансировать работы. В конце статьи журналистка замечала, что возможности науки и техники все же ограничены – например, запах виски не передается по телефону.

Мысль выпрямить Пизанскую башню насмешила всю Италию, а Дули выступил с публичным опровержением: он-де ничего такого не говорил, а только хотел предложить итальянским властям объявить конкурс на лучшее инженерное решение, которое позволило бы предотвратить падение памятника. Конкурс и правда был объявлен, но правительственная комиссия отвергла все проекты, сочтя их неосуществимыми.

Через несколько дней после злополучного интервью я встретил на светском ужине в Париже ту самую смуглую красотку-актрису, которую Дули привозил с собой в Оспедалетти, – мы с ней оказались соседями по столу. Она спросила, бывал ли я с тех пор у Тьебона. Я ответил, что обязанность каждый день наблюдать, как семидесятилетний старик истязает себя, доблестно играя в бильбоке на водных лыжах, для меня слишком тягостна.

– Да, – сказала актриса, – это было не очень приятно.

Мужчины частенько умирают задолго до того, как лягут в могилу. Давно вы видели Джима?

Я сказал, что мы почти не встречаемся.

– Он тоже играет в бильбоке, – странным тоном заметила она и ухмыльнулась.

Этот тон и ухмылка разбудили мое любопытство.

– Вот как?

Прежде чем ответить, она повозила вилкой в перигорском соусе.

– Ну... у него свое бильбоке, а доблести он проявляет в крупном бизнесе. Мощнее его сегодня в Европе, пожалуй, никого и нет. – Она сделала глоток шампанского и с усмешечкой добавила: – Я, конечно, имею в виду финансовую мощь.

От этих слов у меня словно мороз по коже пробежал. Актриса отвернулась и болтала теперь с другим соседом, а я исподтишка приглядывался к ней – верно, первый раз в жизни смотрел на хорошенькую женщину так, как смотрит на соперника вступающий на ринг боксер. И первый раз мужское достоинство представилось мне под таким углом. Прежде я как-то не видел тут пищи для иронии.

Окна бара “Гритти” выходят на Большой канал, поэтому Дули увидел меня издали и, едва взойдя на террасу, двинулся прямо ко мне с протянутой рукой. Обычно с “изваяниями” сравнивают женщин, однако мало кто так заслуживал чести быть высеченным в мраморе или отлитым в бронзе,

как Джим Дули. Все в нем: фигура, рост, посадка головы – говорило о необычайной силе, казалось даже, что не природа создала такое совершенство, а рука скульптора, желавшего польстить заказчику. Он был без галстука, расстегнутый ворот белой рубашки размашистым треугольником лежал поверх спортивной куртки. Шевелюра его оставалась столь же курчавой и пышной, хоть и поседела, но буйные кудри уже не так удачно обрамляли лицо, которое не пощадило время. Черты его расплылись и сохранили с прежними, тонко очерченными, лишь смутное сходство, по которому память может опознать постаревшего знакомого. А ведь он старше меня лет на семь-восемь, не больше. Одной рукой Дули крепко стиснул мою, а другой приобнял за плечо, – не перевариваю таких покровительственных жестов.

– Рад вас видеть, старина, очень рад! Последний раз мы, кажется, встречались... Когда же это, а?..

Он засмеялся, как бы извиняясь за то, что не может припомнить, подхватил меня под локоть и потащил к столику в самом углу бара. За пару недель до того я попросил в женевском банке, который контролирует Дули, ссуду в триста миллионов да еще скидку – аж пятнадцатипроцентную! – при уплате переводных векселей на почти такую же сумму. Знал ли он об этом? Кредитное сжатие начинало, как говорится, медленно, но верно душить меня.

Минут десять Дули разглагольствовал о политической ситуации в Италии и о том, как пагубно она сказывается на

деле спасения Венеции. Ни один из принятых проектов пока еще даже не запущен. ЮНЕСКО и другие международные организации выделили огромные суммы, но пресловутых “решений правительства” до сих пор не последовало. То есть они давно подготовлены, но калейдоскоп правительственных кризисов парализовал центральную власть в стране.

– Уже пять лет я выслушиваю жалобы экспертов. Вы ведь знаете, именно я первым озаботился этой проблемой и оплатил начальные исследования.

По-французски он говорил свободно, бегло, но с сильным американским акцентом, что было очень забавно при его богатом лексиконе. Зеленоватый, как ноябрьское венецианское небо и вода в каналах Венеции, свет бил ему прямо в лицо и подчеркивал сходство с кондотьером Коллеони, каким представляет его конная статуя на площади Сан-Джованни-э-Паоло. Меня поразили стеклянный блеск его глаз, а еще больше – их напряженный взгляд, в котором мучительная, отчаянная тревога и даже призыв о помощи смешивались с полным безразличием к собеседнику, – взгляд, подобный набату, неумолчно звучащему во все время любого, даже самого пустячного разговора. Голубые глаза Дули излучали такой страх, что каждый взгляд казался попыткой к бегству.

Сзади вдруг раздался кастаньетный треск – бармен взбивал коктейли со льдом.

– Сохранять наше достояние – вот главное! Вот девиз всей

нашей цивилизации. Не сдаваться. Не уступать ни пяди. Но надо действовать! Я еще помню самые первые проекты вроде знаменитого нагнетания в грунт цемента, который якобы не даст городу опускаться еще ниже. Чушь! Очень скоро выяснилось, что после таких “инъекций” Венеция, наоборот, потонула бы еще скорее. Еще была идея сдерживать высокую воду при помощи кессонов с воздухом. Но и она на поверку оказалась нереальной. И вот теперь, когда совершенно точно, научно установлено, что нужно делать, ничего не получается, потому что теперь уже разваливается вся Италия.

Он жестом попросил бармена повторить мартини, а потом вдруг впился в мою физиономию изучающим взглядом, словно только за тем и пришел, чтобы проверить, на месте ли у меня нос.

– Мы ведь ровесники? – спросил он.

– Мне пятьдесят девять лет.

– Мне тоже.

Я постарался не выдать своего изумления и сделать вид, что его слова оставили меня совершенно равнодушным, но, видимо, не очень удачно, потому что Дули тут же спросил:

– Вас это удивляет?

– Да нет, что ж тут удивительного.

– Просто у вас так вытянулась физиономия.

Я никак не мог привыкнуть к его французскому – он говорил совершенно безукоризненно, но этот жуткий акцент!

– Выглядите вы моложе меня, – сказал он.

– Возраст ведь не обязательно декларировать.

– А как у вас обстоит с этим делом?

– Что вы имеете в виду?

– Говорят, вы держитесь молодцом.

– Я много занимаюсь спортом.

– Я говорю о женщинах.

Стоит какому-нибудь мужчине заговорить со мной “о женщинах” – непременно во множественном числе и таким тоном, будто мы оба знатоки постельного мяса, как во мне вспыхивает бешеная ненависть к нему, отдающая расизмом. Мне всегда претили эти назойливые излияния, подразумевающие, что мне так же приятно заглядывать в грязные углы человеческой психики, как и моему собеседнику.

Поэтому я молчал. А Дули сидел, уткнувшись глазами в стол, и рассеянно водил по нему рукой, словно забыв о моем существовании. Лицо его потемнело.

– Вам еще не начало казаться, что женщины становятся все шире?

– Я не совсем вас понимаю.

– Правда? Так я вам объясню. Я заметил это, наверное, лет пять тому назад – вдруг почувствовал, что все женщины стали мне как-то широковаты. Началось с одной девчонки, ей было всего-то лет восемнадцать, но внутри она оказалась мне велика. Там у нее было слишком просторно, я почти не чувствовал прикосновения – ну, решил, что так уж она устроена.

– Это можно исправить с помощью простейшей операции.

– Да, но потом у меня появилась другая – датчанка, двадцать два года, фотомодель. Уж эта-то точно была скроена по лучшим стандартам той поры. Но я и у нее, представьте себе, натыкаюсь на тот же внутренний изъян! Дальше – актриса восточного типа, вы ее видели в кино. Та же история – она мне велика! Прямо удивительно – такая полоса невезения! И вот однажды я разоткровенничался по этому поводу со Стейнером, электронщиком – ну, вы знаете! Ему тоже под шестьдесят, и он тоже еще не сошел с дистанции... Это ведь самое главное, старина, не скиснуть, не сойти с дистанции... Так вот, он-то мне и открыл глаза на страшную истину... – Дули невесело усмехнулся. – Знаете, что он сказал? “Это не у женщин что-то увеличилось, а у тебя, дружище, кое-что уменьшилось”. – После этих слов в монолитном гиганте словно бы образовалась трещина, Дули уставился куда-то поверх моего плеча, я машинально обернулся – стена и больше ничего. – За год я усох сантиметра на два, и твердости сильно поубавилось. Так-то, старина. От этого никому не уйти, чудес не бывает. В сорок четвертом я высаживался в Нормандии, на Омаха-Бич², под пулеметным огнем, потом освобождал Париж, а вы сражались в Соппротивлении, в подполье, стали полковником в двадцать шесть лет, а теперь у

² *Омаха-Бич* – кодовое название одного из пяти секторов высадки союзников во время Второй мировой войны на побережье Франции 6 июня 1944 г. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

нас не стоит. Разве это не свинство?

– Действительно, незачем было и войну выигрывать. – Я попытался отшутиться. – Или, может, еще одну затеять – глядишь, взбодримся.

– Я, конечно, не считаю, что уж совсем никуда не гожусь. Но сами понимаете, каково это: лежишь с женщиной, а приступить не решаешься: знаешь, что он у тебя мягковат, может согнуться, не попасть куда надо, а от этих мыслей и опасений все и вовсе опускается. И что тогда? Рядом с тобой оказывается или добрая мамочка – утешает, гладит по головке, приговаривает: “Ничего, милый, ничего, ты просто устал”, – или стерва, которая, того гляди, прыснет: как же, Дули, великий Джим Дули, больше ничего не стóбит, он пустое место, слабак, у него не стоит...

– Упадок Римской империи.

Но он меня не слышал и не видел. Как будто меня и вовсе не было. Был только он один со своим несчастьем: он, Дули, импотент! И плевать ему на всех прочих! Глаза его опять остекленели, в них застыли безмерное отчаяние и горечь.

– Смотря какая попадетсЯ. Зависишь от них с потрохами. Напорешься на стерву – пиши пропало. Она раззвонит на всех углах: знаете Джима Дули? Так вот, он уже не того. Сенсация, открытие Америки! По счастью, всегда находятся и такие, что во всем винят себя – будто это они не способны возбудить мужчину. Ну, и потом, я же завидный любовник, женщина не хочет меня потерять, вот и расхваливает.

В шестьдесят лет он еще хоть куда! Такая силища!

Дули сделал вежливую паузу, чтобы дать мне время ответить откровенностью на откровенность. Но я старательно раскуривал сигарету.

– А чем больше думаешь, получится у тебя или не получится, тем, понятно, хуже получается, такой психологический трюк. Ты начинаешь психовать и, чтобы успокоиться, делаешь все новые и новые попытки... дальше попыток дело обычно не идет... В конце концов, ложишься с женщиной не потому, что хочешь ее, а чтобы увериться в себе. Чтоб доказать себе, что ты еще в форме. И если все проходит нормально, думаешь: уф! Меня еще рано списывать! Я еще мужчина! И знаете, раньше, глядя на женщину, я прикидывал, по вкусу она мне или нет, а теперь думаю: вдруг у нее оргазм не клиторальный, а вагинальный, что тогда? И ведь заранее не поймешь, все выясняется на месте.

– А просто любить кого-нибудь вы не пробовали?

В первый раз за все время я уловил в его голосе проблеск юмора:

– *Чем* любить-то? В том-то все и дело, старина! *Чем?* Знаете анекдот про парня, который проходил медкомиссию? Врач просит: “Покажите свои половые органы”, – а тот открывает рот, показывает язык и говорит: а-а-а! Этакую подлость с нами учинили! Ладно бы еще рухнуть сразу – как молния в дуб ударяет: шарах – и готово! Отлично! Но когда ты наедине с красивой бабой, лежишь с ней в постели – и ни-

чего... Однажды я валялся, как жук на спине, после очередной осечки, а моя красотка напрокат одевалась. Взглянула на меня, а у меня рожа, видать, как у покойника в гробу. И вот она докурила сигаретку и говорит: “Такие, как вы, не могут смириться с оскудением потенции, потому что привыкли к богатству”.

– Пожалуй, в этом что-то есть, – сказал я безразличным тоном, как всегда, когда говорю о себе.

– Мне попалась проститутка левых взглядов, старик, такие не просто спят с вами, а наблюдают и изучают. Самое противное, что я никак не могу отступить. Натура такая. Я не привык сдаваться. Бьюсь до последнего. Всю жизнь был бойцом.

– И всегда побеждал. Записной чемпион.

– Ну да... Кстати, я вспомнил, где мы с вами виделись в последний раз. На чемпионате Европы по бобслею...

– Ошибаетесь. В последний раз мы виделись у Тьебона... помните – бильбоке?

Дули повернулся лицом к водной глади за окном, и яркий свет вдруг, словно невидимым резцом, углубил его морщины. Тонкие, хоть и размытые возрастом черты, завитки волос точь-в-точь как на античных бюстах и медалях, однако совершенно неожиданное для римских цезарей выражение – отчаяние, какого не найдешь в творениях древних мастеров.

Одного я не понимал:

– Почему вы это все рассказываете именно мне?

– Потому что я вас почти не знаю, а такое легче выложить незнакомому человеку. И потом, мы оба воевали... оба победили. Это как-то сближает. – Он посмотрел мне прямо в глаза. – Так как у вас обстоит с этим делом? И не вздумайте рассказывать мне сказки, старина. Мы с вами ровесники.

Меня уже давно подмывало встать и уйти, но чуткий инстинкт самосохранения подсказывал: Дули потому спокойно вытирает об меня ноги, что знает – теперь-то можно не сомневаться – про ссуду и скидку, которые я попросил в его банке. Сопротивляться я не мог. Оставалось пожать плечами:

– Не для того же вы подняли меня в семь утра, чтобы мы обменялись сводками о состоянии наших эндокринных систем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.